

Элий Михайлович, а почему ваш отец, человек с распространенным русским именем, назвал вас так необычно?

- Во-первых, отца звали не Михаил, а Микеле, потому что он из итальянской семьи, поселившейся когда-то в Польше. И не Белютин, а Белуччи. Это уж потом фамилию переделали на русский лад. А мое имя - воспоминание о Кракове, где дед основал оперный театр. Элигий - это средневековый святой, епископ и проповедник, которого почитают в Польше. Ему принадлежат слова «не полагайся на надежду, полагайся на собственные силы, и они удвоятся».

Потом отец приехал в Россию делать революцию. Сделал, хотел вернуться на родину, а его расстреляли.

- Как вы встретили войну?

- В июне 41-го исполнилось 16, получил паспорт, иду гордый по Пушкинской улице. Вдруг слышу выступление Молотова: «Сегодня, в 4 часа утра...». Решил, что надо что-то делать. Я учился в экстернате, последние три класса прошел за год, и школьные будни меня особо не касались. Поехал вместе со всеми под Смоленск рыть противотанковые рвы. Ехали дня четыре, через Калугу. Больше стояли, пропускали военные эшелоны. Наконец приехали, нас выгрузили в поле. Все было организовано очень плохо, кормить ребят никто не собирался. Зато дали лопаты.

От местных жителей помощи не было никакой. Мы выглядели слишком ухоженными, и кусок хлеба, кружка воды доставались только в обмен на «обувку» и «одежку». Люди не могли простить «Москве» годы полуголодного существования, то, что забыли вкус сахара и работали до изнеможения без оплаты.

К счастью, вскоре привезли заключенных из тюрьм, у них была своя кухня, и они делились баландой. Уголовники учили нас спать на земле, подложив под себя еловые ветки, «соображать» еду и договариваться с колхозниками об обмене.

Нам, городским мальчикам, установили норму - два кубометра в день. Представляете, что это такое? Ну, конечно, мошлы, грязь, заражение крови... Но повезло: в конце августа появился приказ вернуться в Москву и продолжать занятия. Да только учиться пришлось в Центральном доме пионеров, откуда через два месяца мы вышли младшими лейтенантами. И уже учили дедушек-ополченцев ползать по-пластунски и разбирать винтовку образца позапрошлого века.

Потом меня отправили на фронт, под Рузу, командовать этими ополченцами. Винтовка - одна на пятерых, в атаку шли с бутылками с горючей смесью, а немцы нас из автоматов поливают. Бутылки бьются, люди горят... Утром смотрю на поле, где лежат убитые, а они почти голые. Экипировка у нас была такая, что приходилось снимать одежду с трупов.

Немцы нас скоро окружили. И опять повезло: я знал эти места, часто ездил сюда на этюды - с 13 лет учился у художника Аристарха Лентулова. В общем, из окружения удалось выйти, а заодно и раненого командира вытащить из-под огня. За это меня и представили к ордену.

Освобожденная Руза.

Вскоре меня контузило, так что вручили орден уже в госпитале. Но контузия так, что на этом мои боевые дела закончились. Когда в 42-м хотели послать под Сталинград, то медкомиссия забраковала. Воевал я в общей сложности три месяца, поэтому рассказывать о своих фронтовых делах просто несерьезно - ведь многие прошли этот путь от начала до конца.

- Какими вам запомнились фронтовые будни?

Элий БЕЛЮТИН:

ФОТО ЮРИЯ СТРОКОВА

ИСКУССТВО - ЭТО ВОССТАНИЕ

Элий Михайлович - профессор живописи и графики, кандидат искусствоведения, лауреат всевозможных международных премий. Почетный польский орден «Виртути милитари», золотая медаль Венеции, его картины - в римском музее шедевров... Это именно на него и его товарищей сильно разгневался Хрущев в 1962 году на той памятной выставке в Манеже. Зато на второй выставке, которая состоялась там же, спустя 29 лет, когда пришло новое поколение, в адрес художников объединения «Новая реальность» звучали уже не ругательства, а слова понимания и благодарности. А еще биография художника примечательна тем, что в 16 лет, в 1941 году, он получил первый свой орден - Красной Звезды - «за личное мужество и отвагу в спасении товарищей». За всю Великую Отечественную этой награды было удостоено меньше трех тысяч воинов.

- Я понял, что война превращает человека даже не в животное - животные так себя не ведут, - а в чудовище. Это ужасно, она должна быть исключена из человеческого бытия.

Тогда, под Москвой, у меня появилось непреодолимое желание рисовать. Нашел в одной из брошенных изб чернильницу, у двери сельпо - кусок оберточной бумаги, а кистью стала щепка. Получилась серия рисунков. В 1957-м их опубликовали в Польше, отметили почетным дипломом. У нас они увидели свет лишь в новом веке.

- Когда вы решили стать художником?

- Вообще-то я мечтал стать музыкантом, композитором, учился в музыкаль-

- В 1962 году тогдашний глава страны Хрущев посетил выставку 30-летия МОСХА, где среди прочих были представлены и две сотни работ наших художников из объединения «Новая реальность». Хрущев в искусстве разбирался слабо, партийная челядь решила этим воспользоваться для идеологического погрома. Например, попалась ему на глаза картина «Спасские ворота». Вождь расшумелся: «Это издевательство! Где тут зубцы на стенах? Почему их не видно?»

Мои объяснения не помогли, и я услышал: «Вот что, Белютин, я вам говорю как председатель Совета Министров, что это не нужно советскому народу. Понимаете, это я вам говорю!»

Началась травля. Из института, где я преподавал, выгнали. В 1991 году, на нашей второй выставке в том же Манеже, мы беседовали с одним известным партийным деятелем. Он меня спросил: «Элий Михайлович, вы знаете, почему партия всегда выступает против непривычной живописи и музыки?» И пояснил: «Живопись, как и музыка, - выражение духовной свободы человека. А это опасно, потому что духовно свободный человек неуправляем». Я возразил: мол, вы же разрушаете творческую личность... На что получил ответ: «Лучше разрушить личность, чем дать ей свободу».

Так вот, на этой второй выставке, после многих лет гонений, больше сотни наших картин были отобраны для Третьяковки, а газета «Правда», поливавшая нас когда-то грязью, хоть и запоздало, но извинилась. Наши картины появились во многих музеях страны, несмотря на отчаянное сопротивление Минкульта. Словом, пришло официальное признание и в России, а меня даже наградили орденом Почета... Вот такая история.

- Что такое «Новая реальность»?

- Это студия, которую мы создали с товарищами в 1947 году, сразу же после ждановского постановления о формализме в искусстве. Сегодня она объединяет сотни независимых художников, а тогда нас было всего шестеро. Смысл наших новаций в том, что художник не должен соревноваться с натурой, это невозможно. Она настолько хороша,

что смешно надеяться ее повторить. Поэтому мы отказываемся не от реальности, а от фотографии, предпочитаем реальность нашей жизни, нашей души. Ведь самое главное - как мы воспринимаем мир.

Глядя на фотографию, человек вспоминает нечто похожее, и это что-то дает. Но ему нужно большее, нужно заряжаться, глядя на картину. Современный человек обязательно должен участвовать в процессе восприятия. Иначе что? Поглядел и ушел. А тут картина становится частью его самого - ведь он же увидел самого себя, свои переживания. Это и есть новое искусство. Зритель обязательно должен почувствовать волнение художника, понять, что он выражает, и тогда картина станет его духовной собственностью, частью его жизни. Сегодня нужна живопись, которая передает не натуру, а твои чувства, переживания, и поэтому не обойтись без абстракции.

- Вот об этом - чуть подробнее. Абстракционистов традиционно обвиняют в непонятности. Одно дело - Шишкин, «Утро в сосновом бору»: деревья, медведи - все как настоящее, и совсем другое - Малевич со своим черным квадратом...

- Знаете, я был еще подростком, когда увидел эскиз Иванова к его картине «Явление Христа народу». Это была обыкновенная ветка, реалистически написанная, но она давала такое ощущение полноты свободы, которая не снилась ни Матиссу, ни Малевичу... хлестче любого абстракционизма. Художник как-то сказал, что в мундирном воротничке очень трудно чувствовать себя свободным. Но, глядя на его «Ветку», было впечатление, что человек дышит полной грудью. И тогда я понял, что в искусстве это главное. Если вы чувствуете, что у вас есть это дыхание, то можете стать художником, писателем, инженером - вообще можете кем-то стать, потому что для индивидуальности самое важное - внутренняя духовная свобода. Вы можете лишиться всего, жить в ужасных условиях, но это не важно, если вы свободны.

Ведь Тициан тоже сначала писал на религиозные сюжеты - иконы, но потом отказался от прежних традиций, потому что все искусство - это восстание. Это не я говорю, а художники Средневековья.

- Почему восстание?

- Потому что человек развивается, растет. Ван Гог, Пикассо, Кандинский... Что они - сумасшедшие, что ли? Они прекрасно понимали, что делают, и формировали новые способы восприятия мира. Нас не удивляет, что можем из квартиры позвонить в Америку - потому что мы подготовлены к тому, чтобы это воспринимать. Так и художник готовит человека к новой жизни, к новой грани бытия.

Один наш московский мэтр говорит: мол, главное для художника - зарабатывать деньги. Нет, главное - быть художником, писать то, что у тебя внутри, пусть и голодая при этом. А если деньги зарабатывать - то ты просто ремесленник.

- В свое время были популярны слова, что искусство принадлежит народу. Их вспомнили, если народ чего-то не понимал. Какие у вас в этом смысле отношения с соотечественниками?

- Марко однажды сказал, что для немусзыкального уха музыка - это простой шум. Но у меня есть на этот счет своя теория, я думаю, что дело тут не в подготовленности, а в контакте. Чтобы воспринимать искусство, мало ходить в музеи или консерватории. Иногда деревенский житель очень остро чувствует искусство, в то время как иной академик, крупный ученый, совершенно его не воспринимает. Что ж, это вполне нормально. Если человек не понимает сложные формы - он идет смотреть шоу или стриптиз. Говорят, внутренне это благотворно на него действует. То же самое в известной мере делает и бетховенская симфония, разница лишь в уровне.

Что такое, например, древнеегипетские барельефы или музыка некоторых народов Севера - блим-блм на одной ноте? Тоже искусство. Здесь важно, как оформляются и проявляются человеческие чувства, каким образом происходит контакт со зрителем или слушателем.

Нельзя подходить к этому так, как Гитлер: мол, любой ефрейтор должен понимать живопись. Тогда получится низведение человека до уровня животного. Не случайно же искусство Третьего рейха и нашего сталинского рейха одинаковы. А ведь до Сталина развивались революционные принципы начала XX века, где были Кандинский, Малевич и другие. В обществе зрел бунт, и художники его выразили. Но потом этот кипящий котел накрыли крышкой соцреализма, придуманного метода для представления несуществующей жизни, что неизбежно привело к новому взрыву.

Не надо унижать людей. В них заложен огромный потенциал творческого роста, совершенствования, поиска. Искусство должно поднимать человека, наполнять его какими-то идеями, побуждать к совершенству.

Сегодняшнее искусство только создается и безусловно будет восприниматься всеми. Оно может быть совсем не таким, как видится мне и моим товарищам, но оно будет. Оно должно задевать человека, чтобы ты обязательно сопереживал художнику. Мы ищем пути к нему.

- Находите?

- Судя по отзывам, порой что-то удается. Когда сделали вторую выставку в Манеже, посетители нам говорили, что приходили туда отдыхать. Живопись настраивает людей на совершенно новый лад. Недаром в православных храмах повсюду иконы, в католических - скульптуры. А цель одна - воздействие. И современные художники ищут пути к этому. Пусть порой смешно и глупо, но это же нормальное развитие искусства. Мы обязаны искать, а уж Бог поможет найти средства сделать наше искусство всеобщим.

Нередко и ошибаемся. Один мой ученик, например, взял дверь и к ней приделал двенадцать звонков. Так он хотел передать дух коммунальной квартиры. Но это натурализм, все равно, что картины Шишова. Только вместо того чтобы выписывать детали, он берет готовую дверь. И зритель соприкасается всего лишь с бытом, с мелочевкой. Но если вы хотите быть Шекспиром, зарядить человека на большее, то ваше искусство должно вывернуть человека наизнанку и показать его суть.

Беда в том, что сегодня мы - жертвы позапрошлого века, когда искусство было визуально-познавательным. На смену ему идет другое, искусство воздействия, дающее эмоциональную информацию, которая задевает любого. Может быть, лишь в будущем столетии искусство станет таким, что не останется человека, равнодушного к нему. Во всяком случае, мы в это очень верим.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ